

ГЛАВА II. Чем отличается рабочий класс с 1789 года от буржуазии и как, поэтому, он дошел до самосознания. – Разврат буржуазной совести

С целью лишить на деле рабочий класс той способности, которая была по праву признана за ним всеобщей подачею голосов, журналы, особенно журналы демократической оппозиции, пустили в ход самую грубую хитрость. Едва только вышел манифест шестидесяти, как вся пресса стала хором протестовать против притязания рабочих составить самостоятельное сословие. Стали толковать докторальным тоном, благоговейно ссылаясь на оракулов революции, что с 89 года не существует более каст; что идея о представительстве рабочих стремится воскресить их; что если рационально допустить к народному представительству простого рабочего, как допускают инженера, ученого, адвоката, журналиста, то только с условием, чтобы этот рабочий был, подобно своим собратьям по законодательному корпусу, представителем целого общества, а не особого класса; что иначе кандидатура такого рабочего носила бы ретроградный и разъединяющий характер; что она пошла бы против прав и вольностей 89 года и исказила бы публичное право, общественный порядок и нарушила бы общее спокойствие, возбудив в среде буржуазии недоверие, страх и злобу. Недоставало еще, чтобы манифест шестидесяти, который по своему смыслу и выводам действительно клонился ко вреду оппозиции, был принят за полицейскую проделку.

Авторы манифеста предвидели это обвинение своих противников и протестовали заранее против клеветы; однако надо заметить, что их оправдание было не совсем удовлетворительно. Если бы они признали различие сословий, то возбудили бы против себя политиков буржуазной партии и сочли бы себя потерянными; в случае же отрицания этого различия, их спросили бы: к чему же представительство от рабочего класса? – Такова дилемма, которую я теперь намерен разрешить.

Указывая на неудовольствие буржуазии, противники манифеста впадали в противоречие, сами того не замечая, и высказывали глубокую истину, которую манифесту следовало заявить громогласно. Хотя в наше время уже нет дворянства, а духовенство представляет собою только особый разряд чиновников, но все признают охотно существование буржуазии: можно ли отрицать действительность? На чем, в таком случае, основывалась бы система орлеанистов? Что такое была бы конституционная монархия и парламентская политика? Чем бы объяснить тогда враждебное настроение известного рода людей против всеобщей подачи голосов?... При всем том не хотят признать, что, кроме буржуазии, существует класс рабочий; как объяснить подобную непоследовательность?

В тот самый 89 год, когда освящено было новое право и стали исчезать старые классы дворянства, духовенства и среднего сословия, класс рабочий или пролетариат отделился от буржуазии, как не отделялся еще никогда, даже во времена феодальные. Вот чего не заметили наши публицисты оппозиции при всем своем обожании идей 89 года. Они не заметили что, до 89 года рабочий принадлежал к корпорации и цеху, как женщины, дети и слуги принадлежали к семейству. Тогда, конечно, нельзя было предполагать отдельного существования сословия рабочих, потому что класс предпринимателей совмещал его в себе. Но как с 89 года корпорации были уничтожены, а состояние рабочих и хозяев не уравнилось, и не было ничего ни придумано, ни сделано для распределения капиталов, организации промышленности и прав рабочего народа, – то само собою установилось различие между классом хозяев, владеющих орудиями труда, капиталистов и крупных собственников, и сословием простых наемных рабочих.

Отрицать теперь это различие двух классов, значило бы более, чем отрицать тот разрыв, который произвел это различие и был сам по себе вопиющей несправедливостью. Это значило бы отрицать экономическую, политическую и гражданскую независимость рабочего – единственное вознаграждение, которое он получил; это значило бы уверять, что свобода и равенство 89 года не были дарованы ему на тех же основаниях, как и буржуазии; следовательно, это значило бы отрицать, что рабочий класс, существуя при совершенно новых условиях, без солидарности с буржуазией, способен сознавать себя и заявлять свою волю; это значило бы наконец объявить, что рабочий класс от природы лишен политической способности! Вот тут-то и необходимо доказать действительность этого различия, потому что только оно придает значение представительству рабочего класса; иначе это представительство утрачивает всякий смысл.

Как! Разве не правда, что, вопреки революции 89 года или, вернее, в силу этой революции, французское общество, состоявшее прежде из трех каст, разделяется теперь, после ночи 4 августа, на два сословия: одно живет исключительно своим трудом, и ему на семейство, из четырех человек приходится круглым числом в год менее 1250 фр. задельной платы (я принимаю сумму 1250 фр. на каждое семейство за приблизительно среднюю цифру всего дохода или производства нации); другое сословие, даже когда трудится, живет не на счет своего труда; оно живет доходами с своей собственности, с своих капиталов, пенсий, акций, должностей и привилегий. На основании распределения капиталов, работ, привилегий и производств, у нас существуют, как и в былое время, только на других началах, две категории граждан; в просторечии их называют буржуазиею и чернью, капитализмом и наемщиною. Эти две категории людей, которые прежде были соединены и почти смешаны,

благодаря феодальному покровительству, глубоко разъединены в наше время, так что между ними остались только отношения, определенные уставом о найме и промышленности. И это неизгладимое разъединение составляет основание всей современной политики, общественной экономики, промышленной организации, истории и даже литературы; только крайняя недобросовестность и тупоумное лицемерие могут отрицать эту истину.

Так как разделение современного общества на два класса – на наемных тружеников и собственников-капиталистов-подрядчиков – совершенно неоспоримо и слишком очевидно, то следствием его было обстоятельство, которое никому не должно казаться удивительным: возник вопрос – порожден ли такой порядок вещей необходимостью или случаем? составляет ли он истинный результат революции? может ли он представить законные основания своего фактического существования? Одним словом, не может ли более правильное приложение законов экономики и справедливости уничтожить это опасное разъединение и слить оба новые сословия в одно, обладающее полным равновесием сил?

Для философов этот вопрос далеко не новость; но в рабочих классах он должен был зародиться в тот день, когда посредством всеобщей подачи голосов политическая революция поставила их в уровень с буржуазией и заставила их таким образом увидеть противоположность между их политическим господством и социальным положением. Только в таком случае, предложив себе этот великий общественный и экономический вопрос, рабочие классы могли прийти до самосознания; они должны были бы сказать себе словами Апокалипсиса, что тот, кому принадлежит царство, должен пользоваться его выгодами: *Dignus est accipere divitiam, et honorem, et gloriam*; тогда они предъявили свои притязания на представительство и на управление. Вот как в последние 16 лет сословие чернорабочих тружеников стало добиваться политических прав; и этим то Французская демократия XIX века отличается от всех прежних демократий.

Манифестом своим шестидесят заняли то положение, которое дали им народная жизнь и общественное право; они высказали это от полноты своего рабочего сознания. Будучи убеждены, что вопрос может и должен решиться в смысле утвердительном, они умеренно, но твердо указали на то, как долго обходили этот вопрос и что настало время заняться решением его. Не пускаясь в исследование того, практично ли таким путем требовать своего права и согласен ли такой образ действий с их идеею, они предложили, в знак желания снова поднять этот вопрос, представительство одного из рабочих; по их мнению, рабочий, по самому положению своему, как рабочего, будет лучше всех представлять интересы рабочего сословия.

Я утверждаю, что такое предложение в связи с другими подобными фактами последних 16 лет, доказывает, что сословное чувство пробудилось в рабочем классе небывалым доселе образом. Оно доказывает, что половина и более французской нации вступила на политическое поприще и внесло с собой туда идею, которая рано или поздно совершенно преобразует общество. И вот, за то, что горсть людей попыталась выразить это сознание и эту идею, их обвиняют в намерении восстановить касты! Их устранили от национального представительства, как ретроградов, людей опасного образа мыслей; на манифест их указывают как на попытку возбудить в гражданах взаимную ненависть. Журналы выходят

из себя; мнимо-демократическая оппозиция раздражается взрывом негодования; устраиваются контр-манифесты; с напускным пренебрежением спрашивают, не воображают ли авторы манифеста, что лучше знают свои права и выгоды, и сумеют лучше защитить их, чем г. г. Мари, Ж. Фавр, Э. Оливье, Ж. Симон, Пельтан. в среде общества обнаруживается общественный факт, имеющий громадное значение: самое многочисленное и самое бедное сословие, бывшее доселе в пренебрежении, потому что не признавало само себя, вступает в политическую жизнь. А глашатаев этого события, рабочих, свидетельствующих о нем, предают злобе буржуазии, как нарушителей общественного спокойствия, как злоумышленников, как орудие полиции! Шуты!

Событие это тем знаменательнее, что установленный нами принцип необходимости для каждого собрания людей – касты, корпорации или племена – обладать самосознанием, чтобы составить из себя государство или чтобы принять участие в управлении обществом и возвыситься до политического существования, – что этот принцип, говорю я, может быть принят, как закон, общий всем народам и применимый к истории любой нации. Некоторое время римские плебеи не имели самосознания; они были клиентами патрициев и управлялись последними по положениям семейного права. Достигнув полного самосознания и, вследствие этого, признав равенство свое с патрициями, они потребовали участия в брачных союзах, в жертвоприношениях и в почестях; они получили трибунов, veto которых останавливало сенатские решения; они добивались сообщения им формул; они достигли собственности разделом завоеванных областей и *ageris publici*. к несчастью, как я уже заметил (часть I, гл. II, № 1), от самосознания они не умели возвыситься до сознания нового закона. Это было делом христианства.

В Англии, как и во Франции, рабочие классы достигли до сознания своего положения, права, назначения. Они соединяются, организуются, приготавливаются к промышленной конкуренции и не замедляют потребовать своих политических прав решительным установлением всеобщей подачи голосов. По словам одного писателя, рабочее население Англии, пользуясь средством, предоставляемым ему английскими законами и недавно допущенным нашим законодательством у нас, а именно, средством коалиции, составляет организацию в шесть миллионов человек. А наши рабочие ассоциации заключают в себе меньше 100,000 лиц. Что за раса, эти упорные, неукротимые Англо-Саксы, идущие к своей цели медленно, но верно, которым в великих экономических и общественных вопросах если не всегда принадлежит слава изобретения, за то так часто честь первого осуществления!

История французской буржуазии в течение последних 100 лет подтверждает этот закон, хотя, правда, с другой точки зрения и в совершенно противоположном смысле. Едва возник феодализм, как городское, промышленное и торговое население пришло к самосознанию, и результатом этого было учреждение коммун. Пока буржуазия имела перед собой только два первых сословия, духовенство и дворянство, сознание это сохранялось в полной силе; мещанское сословие отличалось, определялось, чувствовало себя, утверждало себя своим противоположением привилегированным сословиям. Генеральные штаты 89 г., где вначале оно было удалено на задний план, решили дело. С этих пор духовенство и дворянство обратились в политическом отношении в ничто; среднее сословие, по выражению Сийеса, стало все. Но заметьте: как скоро буржуазия стало все, то вне её уже не могло ничего быть; не могло существовать другого сословия, кроме её; её уже ничто не определяло, и она

начала утрачивать самосознание, которое омрачилось и ныне почти угасло. Я просто только указываю на этот факт, не выводя из него никакой теории.

Что такое буржуазия с 89 года? Каково её значение, её существование, какова её общественная роль? Каковы те интересы, которых представительницею она служит? Что кроется в глубине этой двусмысленной, полулиберальной, полуфеодальной, совести? В то самое время, когда бедное, невежественное рабочее сословие, лишенное влияния и кредита, выдвигается вперед, выясняет свое положение, заговаривает о своей эмансипации, о своем будущем, о перестройке общественных отношений, которая должна изменить его теперешнее положение и освободить рабочих всего мира, – в то самое время богатой буржуазии, которая обладает собственностью, знаниями и могуществом, решительно нечего сказать о самой себе; с тех пор как она вышла из своей прежней сферы, она как будто лишилась будущности и исторической судьбы; она потеряла и мысль, и волю. Бросаясь из революционерства в консерватизм, от республиканских идей в легитимизм, доктринерство и умеренность, влюбляясь на минуту в представительные формы парламентаризма, чтобы вслед за тем потерять даже самую способность понимать их, не зная какой системы держаться, какое правление предпочитать, держась за власть только ради выгод, только из страха неизвестности и для сохранения своих привилегий, отыскивая в общественных обязанностях только новое поле и новые средства для эксплуатации, жадно добиваясь отличий и денег, презирая пролетариат гораздо сильнее, чем дворянство когда-либо презирало среднее сословие, – буржуазия потеряла всякий определенный характер; она не составляет по прежнему сословия, сильного численностью, трудом и дарованиями, мыслью и волею, сословия, которое производит и размышляет, повелевает и управляет; она превратилась в сброд, в меньшинство, которое занимается торгашеством и биржевыми спекуляциями.

В последние 16 лет она как будто приходит в себя и начинает опоминаться; ей хотелось бы снова заявить себя, захватить прежнее влияние. Но для этого нужна энергия совести, сила мысли, пламенность сердца, а вместо этого на лицо оказывается только холод смерти и бессилие старости. Надо заметить еще вот что: кому современная буржуазия обязана этим усилием над собою, этими заявлениями бессодержательного либерализма, этим ложным возрождением, в которое Законная Оппозиция, быть может, заставила бы верить, если бы его коренной недостаток не был слишком хорошо известен? к кому отнести этот проблеск разума и нравственного чувства, которому однако не удастся осветить и оживить мир буржуазии? Всем этим буржуазия обязана единственно проявлениям того юного сознания, которое отрицает новейший феодализм; утверждению того чернорабочего сословия, которое решительно берет верх над старым патронатством; требованиям тех самых рабочих, которым тупоумные политики отказывают в правах, принимая в тоже время из их же рук свое политическое полномочие!..

Известно ли это буржуазии или нет, все равно – роль её кончена; она не может идти далеко и не в состоянии возродиться. Но пусть она с миром испустит дух! Возвышение рабочего класса не поведет за собою устранения буржуазии: рабочий класс не заменит буржуазию в её политическом преобладании, привилегиях, собственности и правах, и буржуазия не станет на место рабочего класса. Теперешнее, весьма ясно обозначившееся различие между обоими классами, – рабочим классом и буржуазиею – не более, как простой революционный случай. Оба класса должны слиться и поглотить друг друга в высшем сознании; а днем

этого окончательного слияния будет тот день, когда рабочее сословие, составляя большинство, получит власть и, вдохновленное новым правом и формулами науки, провозгласит общественную и экономическую реформу. Народности, которые долго жили только одним антагонизмом, должны основать отныне на новых данных свою политическую жизнь и независимость.

Версия #2

Зверобой создал 16 марта 2025 15:36:54

Зверобой обновил 19 марта 2025 21:32:35